

*Посвящается моим читателям.
Благодаря вам созданные мной миры становятся
реальными.*

ПРОЛОГ

Обсерватория

Март 2023 г.

ДУГ

Очнуться после семнадцати месяцев стазиса — все равно что оправиться от удара тупым предметом по голове. Разом накатывают головная боль, тошнота, озноб и густой туман, лишаящий ощущения пространства и времени, оставляющий лишь смутное осознание того, что был здесь раньше. Не только в этой комнате или в этом месте, но даже в этот самый момент.

— Дуглас, с вами все хорошо? — Профессор сидит за столом Кроноса, в его кресле. Посох времени опирается на подставку у его локтя, как будто и правда принадлежит ему.

Даниэль Лайон стискивает пальцы, наблюдая за мной через стол с настороженностью, которая могла бы сойти за беспокойство.

— Да, я в порядке.

Что есть силы стискиваю зубы, чтобы скрыть стазисную дрожь. На самом деле мне хочется под-

жечь его кресло. Утопить его, заморозить, задушить голыми руками, но каждая клеточка моего тела лишена силы, а магия иссякла. И он это знает. Даже не потрудился связать меня. Один Страж — какой-то придурок, которого я никогда раньше не видел, — переминается с ноги на ногу за дверью.

Меня охватывает стазисный озноб, и я прижимаюсь спиной к кожаному креслу, в котором сижу, чувствуя, что выданный Обсерваторией комбинезон уже насквозь мокрый от холодного пота. Долгие месяцы, проведенные в камере, обострили мои чувства настолько, что настольная лампа кажется слишком яркой, а голубые глаза старика слишком пронизательными. Я едва не задыхаюсь от царящего в комнате затхлого запаха старинных холстов и заплесневелых книг. Более того, готов поклясться, что ощущаю вкус гнили в катакомбах под нами. И еще что-то — едва различимое зловоние от одного из стоящих на полке у дальней стены террариумов Геи. Свернувшаяся внутри странная изумрудная змея не похожа на ее обычных домашних питомцев. Она отличается от всех когда-либо виденных мной в Обсерватории существ, и я впиваюсь ногтями в подлокотники кресла, гадая, чья в ней заключена магия. Всей душой надеюсь, что не Джека.

Раздвоенный змеиный язык скользит по стеклу, а сверкающие точно алмазы грани глаз мерцают, наблюдая за нами. Неимоверным усилием воли заставляю себя отвести взгляд от террариума.

— Почему меня так долго держали в стазисе? — Трех месяцев было бы достаточно, чтобы оправиться даже от самой жестокой смерти.

— Какое событие запомнилось вам последним? — интересуется Лайон мягким, вкрадчивым голосом, как будто я хрупкое создание, требующее крайне деликатного обращения. За это я ненавижу его еще больше.

Я массирую себе ладонь, смаргивая наплыв жарких эмоций. Помню, как тело Денвера рассыпалось в прах в моих руках. Помню, как стиснул покрытые его пеплом пальцы на шее Флёр Атвел. Еще я припоминаю ярость... ослепляющую ярость, которую чувствовал в тот момент. Горло мучительно сжимается, выталкивая слова:

— Я вылез из озера как раз вовремя, чтобы увидеть, как на моих глазах убивают моего лучшего друга.

— Флёр просто защищала себя и тех, кого любила.

— А как же те, кого любил я! — Слово «любил» слетает с моих губ прежде, чем я успеваю сдержаться. Комната расплывается, превращаясь в горячее яркое маслянистое пятно эмоций. Их больше нет. Майкла, Денвера, моей команды...

— Ноэль Истман, — мягко говорит Лайон. Произнесенное вслух, ее имя будто похищает весь имеющийся в комнате кислород. — Я надеялся стать тем, кто сообщит вам о ней.

Я отмахиваюсь от его сочувствия, безразлично пожимая плечами.

— Сообщит что? Что даже собственная девушка отвернулась от меня, предпочтя принять твою трехклятую сторону? Что она предала меня, чтобы защитить Джека Соммерса? — Я выплевываю это имя, радуясь тому, что его обладатель мертв. Испытывая благодарность хотя бы за эту маленькую победу.

— Ноэль сделала то, что считала правильным, решила уберечь вас единственным известным ей способом...

— Она отправила меня домой! — Я ударяю кулаком по столу, заставляя змею отпрыгнуть от стекла. — Я знаю, что это Ноэль убила меня и вернула обратно через лей-линии! Я почувствовал ее приближение. — Я в самом деле ощутил знакомый слабый аромат ванили, исходящий от ее кожи, и теплую струю воздуха, когда она прошептала мне на ухо извинение, а мгновение спустя перерезала горло.

Я до сих пор чувствую призрачную тягу тащивших меня домой лей-линий, отдающуюся тупой болью в груди, и отодвигаюсь от стола, испытывая необъяснимое томление по Ноэль.

— Где она вообще? — рычу я. — Если она бодрствует, я бы хотел сказать ей пару ласковых! — В устремленных на меня глазах Лайона светится жалость. — Да где же она?

— Развеялась по ветру, — говорит он так тихо, что я едва разбираю слова.

Я откидываюсь на спинку кресла.

Развеялась по ветру. Умерла. Ее душа прекратила свое существование.

— Кто это сделал? — сдавленным голосом спрашиваю я. — Это была Флёр? Клянусь гребаным посом, я...

— Кронос нанес смертельный удар, — сверкнув белоснежными зубами, сообщает Лайон, перебивая меня. Его взгляд становится жестким, и я вижу в глубине его глаз проблеск Зимы — прославленного свирепого Времени года, каким он был раньше,

а не пожилого профессора, в которого впоследствии превратился.

Конечно, он будет ее защищать. Выгораживать. Лгать ради нее. Ведь Флёр — одна из предателей, которые возвысили его до нынешнего положения.

— Нет! — Я вскакиваю с кресла, едва его не опрокинув. — Ноэль была в моей команде. Предательница или нет, она должна отвечать передо мной!

— А если бы она так и поступила? Если бы объяснила, почему встала на сторону Джека, вы бы послушали?

Я с силой ударяю ладонями по столу Лайона, готовый броситься вперед и вцепиться ему в глотку.

— Ах ты, самодовольный сукин сын!

Взгляд Лайона темнеет, устремляется к посоху, и судорожное подергивание его руки — единственный намек на то, что он чувствует исходящую от меня угрозу. Верхняя часть посоха обвязана черным бархатным поясом, скрывающим расположенное в центре хрустальное око, будто Лайон боится его мощи. Похоже, он слишком труслив, чтобы заглянуть в него и увидеть собственное будущее.

Я наклоняюсь над столом.

— Сделай это, старина, — шепчу я. — Давай, убей меня. Именно поэтому я здесь, не так ли? Потому что Джек мертв, и прикончила его моя команда. Вот теперь ты и хочешь заставить меня в этом раскаяться.

Я встречаюсь с ним взглядом.

— Джек выжил. Он жив, Дуглас.

Я отступаю на шаг.

— Нет! Ты ошибаешься. Он никак не мог выжить. Я своими глазами видел, как он провалился под лед. Стоял и смотрел, как он тонет!

— Чего вы не видели, так это преданности тех, кто любил его, и жертвы, которые они принесли, чтобы спасти его.

— Это невозможно. — Не может быть, чтобы Денвер и Ноэль развеялись по ветру. Что Кронос — *мой* Кронос — мертв, а Джек Соммерс все еще дышит. — Ты лжешь!

Я отшатываюсь от стола, ударяясь пятками в стоящее позади меня кресло, а Лайон тем временем встает и тянется за посохом. Острый как бритва край косы поблескивает, когда он опускает ее между нами и снимает бархатный пояс с oka. Поймав свет, оно рассыпает по письменному столу снопы радужных искр. В них запечатлены вспышки моего собственного лица, мерцающие на полированном дереве.

— Что это? Что ты делаешь?

— Вы хотите знать, что произошло на самом деле. Я вам покажу.

Лайон медленно вращает посох, являя взору все новые образы, двигаясь назад во времени до тех пор, пока не находит нужный момент. Появляется лицо Денвера, и внезапно я лишаюсь дара речи.

Я снова смотрю, как он умирает. Смотрю, как Флёр убивает его. Смотрю, как магия, жизнь и душа утекают из него.

— Прекрати, — сдавленно бормочу я. — Сделай так, чтобы это закончилось.

Изображение вращается, и перспектива меняется с головокружительной скоростью. Это воспоми-

вание я не припомню. Значит, оно принадлежит не мне. Я как будто гляжу на себя чужими глазами.

Глазами Флёр.

Я вижу, как валю ее на землю, пытаюсь схватить за руки. Как перебиваю ее мысленный призыв корней и лиан, чтобы пленить меня. Ноэль тоже там. Она подскакивает сзади, и меня ослепляет молниеносная вспышка света — *моего* света, — когда перед моим взором разыгрывается собственная смерть, и меня затягивает в лей-линии, которые доставляют обратно в Обсерваторию.

По щекам Ноэль текут слезы. Она не замечает ни приближающегося сзади Кроноса, ни взмаха его косы. Я крепко зажмуриваюсь, когда он рассекает ее надвое и ее магия рассеивается по ветру.

Видение смещается к береговой линии, где в камышах лежит безжизненный Джек. Над ним хлопчут его друзья: переламывают торчащие из его тела стрелы, делают искусственное дыхание. Обезумевшая от горя Флёр превратилась в свирепого демона мщения, черпающего больше стихийной силы, чем любое когда-либо виденное мной Время года. Оцепенев, я наблюдаю, как она заставляет землю дрожать, приказывая дюжине деревьев и лиан схватить Кроноса за запястья и лодыжки. Ее волосы потрескивают от статического электричества, а в глазах плещется безумие, когда она прижимает посох к его горлу. Она беспощадна и ужасна, и, наблюдая за ней, я испытываю одновременно и отвращение, и восхищение. Она — Время года... Время года, подпитываемое яростью, которое сумело одолеть Бога. В видении даже сам Лайон не решается подойти к ней слишком близко.

До тех пор, пока она не протягивает ему посох.

После чего, как и все остальные, падает на колени подле Джека. Она готова отказаться от всего ради него. Сражаться *за него*.

Он жив. Не пребывает ни в террариуме, ни в урне. Не развеялся по ветру. Он *жив*.

Плюхнувшись в кресло, я склоняюсь головой к коленям, борясь с подступающей тошнотой.

— Вы не единственный, кто понес потерю, Дуглас. Джек пережил это испытание и стал сильнее. Возможно, не так, как вы себе представляли, но сила — это нечто большее, чем власть и магия. Речь идет о вере, доверии и обязательствах. Он сделал выбор. Выбор принять свое... — Болтовня Лайона внезапно обрывается.

Я поднимаю голову. Но Лайон не смотрит на меня. Он глубоко хмурится, глядя в хрустальное око.

— ...свое будущее, — заканчивает он. Тихонько откашлявшись, он снова оборачивает око бархатным поясом. — Надеюсь, вы сумеете жить дальше, Дуглас, как смог Джек. Очень важно, чтобы вы хотя бы попытались. Мир движется вперед, с нами или без нас, — говорит он, и морщинки вокруг его глаз становятся глубже. — Через неделю мы с Геей разберемся с последними Стражами Майкла. Все, кто еще остался, будут разбужены и освобождены от своих обязанностей, а также от магии, дарованной им прежним Кроносом.

Влажный комбинезон холодит мою кожу там, где он прижимается к кожаной обивке.

— Что это значит? Что ты хочешь сказать?

— Те, кто служил под началом Майкла, могут снова поддаться влиянию противоречивых ценно-

стей и ложной преданности. Я не стану рисковать безопасностью Обсерватории и тех, кто предпочтет здесь жить.

— Предпочтет? — У этого слова, когда я его выплевываю, неправильный привкус. — О чем вообще речь?

— Вы можете уйти в отставку, — продолжает он, — в этом случае вас лишат магии и назначат на вакантную должность здесь, в школе, где вы сможете провести оставшиеся годы своей человеческой жизни. Ставлю вас в известность, что система изменилась. Теперь у нас другие правила, Дуглас. Времена года стремятся к мирному сосуществованию — как здесь, так и в надземном мире. И я никому не позволю нарушить эту установку.

Я захожусь в холодном сухом смехе.

— А что если я не хочу выходить в отставку?

— Тогда это решение приведет к Зачистке. Как и любое поползновение на причинение вреда Джеку или Флёр.

Лайон встречается со мной взглядом. В его глазах безошибочно угадывается невысказанная угроза. *Так вот в чем дело.* Речь идет не о защите Обсерватории. Речь о защите Джека. Лайон намерен держать меня бессильным здесь, внизу, чтобы я не сумел добраться до его любимчика.

— С тем же успехом можешь убить меня прямо сейчас, — цежу я сквозь зубы.

— Это важное решение...

Несмотря на легкость в голове, я вскакиваю на ноги.

— Нет, это наказание!

— Это тоже *выбор*, мистер Лаускс. — Лайон не встает. Не тянется к посоху.